

КОНФЛИКТ Л. Н. ТОЛСТОГО С ПРАВОСЛАВИЕМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ С. Н. БУЛГАКОВА

Чернова Мария Станиславовна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье анализируется интерпретация С. Н. Булгакова смысла религиозных исканий Л. Н. Толстого. Анализируются оценки Булгакова концепции «опрощения» Толстого и его отношения к Церкви. Доказывается, что Булгаков отрицал попытки Толстого свести христианство к практической морали, одновременно признавая его величие как писателя.

Л. Н. Толстой – одна из ключевых фигур в русской и мировой культуре. Он не только великий писатель, но и мыслитель, чей голос, по словам Н. А. Бердяева, стал «побудителем совести в обществе, религиозно индифферентном или враждебном христианству» [1, с. 115]. Вопрос о религиозном значении его творчества по сей день остается дискуссионным. В современной науке актуализировалась тема «христианство и литература», при этом даже разрабатывается концепция, согласно которой русскую классическую словесность следует рассматривать как «православную по преимуществу». Однако как соотносить с Православием отлученного от Церкви Толстого?

Одни ученые уверены, что гуманизм и нравственные поиски автора «Анны Карениной» и «Воскресения» органично сочетались с духом православия. Другие же полагают, что Толстой был противником не только православия, но и всей христианской веры. Интересно отметить, что при этом обе стороны часто обращаются к мнению религиозного мыслителя С. Н. Булгакова. Одни апеллируют к его выводу о том, что толкование Толстым Закона Божьего как закона жизни не противоречит духу Церкви, так как его основной смысл – любовь к ближнему. Другие же сосредотачиваются на воспоминаниях Булгакова о богохульных высказываниях Толстого в адрес Богородицы. Однако цитаты вне контекста статей, могут создать впечатление непоследовательности их автора.

Литературно-критическая деятельность Булгакова была во многом определена исторической эпохой и особенностями идеологической борьбы, в которой он участвовал, а также его собственными философскими взглядами. Он прошел сложный путь от марксизма к идеализму, а затем к религиозности. Эта духовная эволюция напрямую отразилась на его оценках русской литературы и творчества Толстого, в частности.

Булгаков не только был современником Толстого, но и несколько раз встречался и беседовал с ним. Первая их встреча состоялась в Москве в 1897 г. По воспоминаниям А. Б. Гольденвейзера, в произошедшей дискуссии «диалектика Льва Николаевича победила, и Булгаков все менее убедительно защищал свои позиции» [2. Т. 1, с. 7–8]. Однако подробностей этой беседы мемуарист не приводит, и у самого Булгакова нет свидетельств о ней. Поэтому нельзя однозначно судить о значении первой встречи для его мировоззренческой и духовной эволюции.

Имя Толстого впервые появилось в статье Булгакова «Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев и Толстой (параллели)» в 1902 г. В этой работе он затронул вопрос о социальном значении творчества писателя, но анализировать религиозные взгляды Толстого Булгаков начал лишь после его смерти в 1910 г. Обращает на себя внимание тот факт, что юбилей Толстого в 1908 г. Булгаков проигнорировал. Возможно, объяснение кроется во второй их встрече, состоявшейся в Гаспре в 1902 г.

В «Автобиографических заметках» Булгаков вспоминал: «Я допустил ошибку, выразив свои чувства к Сикстине, и одного этого упоминания было достаточно, чтобы вызвать яростную, богохульную злость Толстого. Его глаза загорелись недобрый огнем, и он начал задыхаясь, богохульствовать» [3, с. 391]. Толстой был возмущен рассказом Булгакова о пережитом потрясении перед образом «Царицы Небесной с Младенцем». Однако через четверть века, увидев эту картину снова, сам Булгаков испытал разочарование и признал частичную правоту Толстого. Теперь он увидел в образе не икону, а просто искусно выполненное изображение красивой земной женщины с ребенком. По его мнению, эталоном христианского искусства являлась русская православная икона, тогда как искусство Возрождения демонстрировало господство формы и «земной телесности, лишенной духа». Однако Булгаков так и не смог простить Толстому его богохульных слов о Богородице. Лишь смерть Толстого побудила Булгакова заняться осмыслением его наследия и творчества.

В 1912 г. Булгаков выпустил сборник статей «О религии Льва Толстого», куда вошли его лекции «На смерть Толстого», «Толстой и Церковь», «Человек и художник». Эти работы, а также статья «Простота и опрощение» составили цикл под общим названием «Л. Н. Толстой». Для Булгакова, склонявшегося к религиозности, идейные поиски Толстого стали поводом для анализа причин и сути переосмысления христианства в среде российской интеллигенции. Еще в статье «Героизм и подвижничество» (1909) Булгаков резко критиковал «христианизирующего интеллигента», который легко чувствует себя новым Мартином Лютером, стремящимся не только обновить церковную жизнь, но и создать новые ее формы, чуть ли не новую религию [4. Т. 2, с. 332]. К числу таких «пророков новой религии» он причислил и Толстого. Булгаков показал связь между революционным демократом В.Г. Белинским и сторонником учения «непротивления злу насилием» Толстым. Их схожесть заключалось в произвольном толковании Христа и его учения. Булгаков считал ошибкой попытки Толстого свести христианство к практической морали. Проанализировав письмо Белинского к Н.В. Гоголю и основные идеи теоретических трудов Толстого, он пришел к выводу, что Белинский и Толстой были выразителями одной тенденции – вульгаризации Христа.

В статье «Толстой и Церковь» Булгаков отметил, что Толстой столкнулся с драмой Ивана Карамазова, связанной с невозможностью разрешить проблему теодицеи с помощью человеческого разума. Величие писателя, по мнению Булгакова, заключалось в его нравственном протесте против социальной несправедливости. Однако Толстой, как и герой Достоевского, не принимая мира Божьего, перепутал Творца с созданным им миром.

«Простота и опрощение» занимает особое место в цикле статей Булгакова о Толстом. Автор отметил остроту социальной критики в произведениях писателя, но теперь, обратившись к его «Исповеди», указал, что «социальный нигилизм» Толстого был следствием, а не причиной его философских и религиозных исканий. В толстовском «опрощении», по мнению Булгакова, не было простоты истинного верующего. Безусловная народная христианская вера в бессмертие души была Толстому непонятна и отвергнута. Зато идея бессмертия, обусловленная влиянием Шопенгауэра, стала краеугольным камнем его философских исканий. Поиск бессмертия на земле образовал пропасть между Толстым и народом, а «опрощение» не помогло ему избавиться ни от страха смерти, ни от религиозного безразличия. Вот почему Булгаков назвал его «опрощение» «бутафорским средством лечения, как шведская гимнастика» [5, с. 121–122].

Литература

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS 1955 г. / Н. А. Бердяев – Москва : Наука, 1990. – 224 с.
2. Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Толстого / А. Б. Гольденвейзер – Москва : «Кооперативное издательство» издательство «Голос Толстого», 1922 – 488 с.
3. Булгаков, С. Н. Тихие думы. Статьи и очерки разных лет / С. Н. Булгаков – Москва : Республика, 1995 – 509 с.
4. Булгаков, С. Н. Сочинения: В 2 т. / С. Н. Булгаков – Москва : Наука, 1993.
5. Булгаков, С. Н. Простота и опрощение / С. Н. Булгаков // О религии Льва Толстого – Москва : Путь, 1912. С. 114–141.